

36	0057	ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ	"Закипающая беда"	Часть 1 "Чёрная свечка"
		Вышла в свет в декабре 1996 г.		
37	0057-2	ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ	"Закипающая беда"	Часть 2 "Не волк я"
		Вышла в свет в 1997 г.		

ЗАКИПАЮЩАЯ БЕДА (Коренблит – Мандельштам)

От собеседника

Стихи Осипа Мандельштама достаточно непростые при прочтении, впрочем, как сложно и само время, выпавшее ему и его современникам. Талант, попавший в такую мясорубку 20-го столетия, по-видимому, мог кровоточить только такими словами. С помощью музыки я попробовал облегчить понимание его скрученной в пружину драматической судьбы в поэзии (в первую очередь, конечно себе).

"Закипающая беда" - неотвязное чувство любого здравомыслящего человека, живущего в этой стране бесконечных революций, экспериментов, переворотов и рывков, безжалостно раздавливающих все живое.

"Чёрная свечка" - самоощущение многих творческих людей, сравнивающих свою жизнь с горением роковой свечи.

"Не волк я" - некое простодушное признание людям, недостаточно верящим в истинные позитивные мотивы к действию любого творца и моей композиторской работы, в частности.

Ваш Станислав Коренблит

ЧАСТЬ 1 «ЧЁРНАЯ СВЕЧКА»

1. Воспоминание о лете - 1.17
2. Твой зрачок - 0.44
3. Вернись - 1.33
4. Мастерница - 1.18
5. Луч - 0.41
6. Импрессионизм - 1.06
7. Создатель - 0.49
8. Мадригал - 0.50
9. Раковина - 1.07
10. Ещё не умер я - 0.52
11. Слабый звук - 1.10
12. Чёрная свечка - 0.50
13. Я скажу тебе - 0.54
14. Рождение улыбки - 1.01
15. Я видел - 0.59
16. Моё тепло - 0.47
17. Остров - 1.00
18. Восхитительная мощь - 1.05
19. Флейта - 1.17
20. Прямо в суть - 0.59
21. Под ливнем - 1.30
22. Посох - 0.45
23. Сохрани - 1.29
24. Точка безумия - 1.10
25. Приказ - 1.11

26. Путевые заметки - 1.13
 Общее время звучания – 27.37
 Общее время звучания - 68.09

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1 «ЧЁРНАЯ СВЕЧКА»

1. ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕТЕ

Мне жалко, что теперь зима
 И комаров не слышно в доме.
 Но ты напомнила сама
 О легкомысленной соломе.

Стрекозы вьются в синеве
 И ласточкой кружится мода;
 Корзиночка на голове
 Или напыщенная ода?

Советовать я не берусь,
 И бесполезны отговорки,
 Но взбитых сливок вечен вкус
 И запах апельсиновой корки.

Ты все толкуешь наобум,
 От этого ничуть не хуже,
 Что делать, самый нежный ум
 Весь помещается снаружи.

И ты пытаешься желток
 Взбивать рассерженною ложкой.
 Он побелел, он изнемог.
 И все-таки еще немножко.

И, право, не твоя вина,
 Зачем оценки и изнанки?
 Ты так нарочно создана
 Для комедийной перебранки.

В тебе все дразнит, все поет,
 Как итальянская рулада.
 И маленький вишневый рот
 Сухого просит винограда.

Так не старайся быть умней,
 В тебе все прихоть, все минута,
 И тень от шапочки твоей -
 Венецианская баута.

2. ТВОЙ ЗРАЧОК

Твой зрачок в небесной корке,

Обращенный вдаль и ниц,
 Защищают оговорки
 Слабых, чующих ресниц.

Будет он, обожествленный,
 Долго жить в родной стране -
 Омут ока удивленный,
 Кинь его вдогонку мне!

Он глядит уже охотно
 В мимолетные века -
 Светлый, радужный, бесплотный,
 Умоляющий пока...

3. ВЕРНИСЬ

Я наравне с другими
 Хочу тебе служить,
 От ревности сухими
 Губами ворожить.
 Не уголяет слово
 Мне пересохших уст,
 И без тебя мне снова
 Дремучий воздух пуст.

Я больше не ревную,
 Но я тебе хочу,
 И сам себя несу я
 Как жертву палачу.
 Тебя не назову я
 Ни радость, ни любовь;
 На дикую, чужую
 Мне подменили кровь.

Еще одно мгновенье,
 И я скажу тебе:
 Не радость, а мученье
 Я нахожу в тебе.
 И, словно преступленье,
 Меня к тебе влечет
 Искусанный, в смятенье,
 Вишневый нежный рот.

Вернись ко мне скорее:
 Мне страшно без тебя,
 Я никогда сильнее
 Не чувствовал тебя,
 И все, чего хочу я,
 Я вижу наяву.
 Я больше не ревную,
 Но я тебя зову.

4. МАСТЕРИЦА

Мастерица виноватых взоров,
 Маленьких держательница плеч, -
 Усмирен мужской опаской норов,
 Не звучит утопленница-речь.

Ходят рыбы, рдея плавниками,
 Раздувая жабры. На, возьми
 Их - бесшумно окающих ртами, -
 Полухлебом плоти накорми.

Мы не рыбы красно-золотые,
 Наш обычай сестринский таков:
 В теплом теле ребрышки худые
 И напрасный влажный блеск зрачков.

Взмахом бровки мечен путь опасный.
 Что же мне, как янычару, люб
 Этот крошечный, летуче-красный,
 Этот жалкий полумесяц губ?

Не серчай, турчанка дорогая,
 Я с тобой в глухой мешок зашьюсь,
 Твои речи темные глотая,
 За тебя кривой воды напьюсь.

5. ЛУЧ

О, как же я хочу -
 Не чуемый никем -
 Лететь вослед лучу,
 Где нет меня совсем.

А ты в кругу лучись -
 Другого счастья нет -
 И у звезды учись
 Тому, что значит свет.

А я тебе хочу
 Сказать, что я шепчу,
 Что шепотом лучу
 Тебя, дитя, вручу.

Он только тем и луч,
 Он только тем и свет,
 Что шепотом могуч
 И лепетом согрет.

6. ИМПРЕССИОНИЗМ

Художник нам изобразил
 Глубокий обморок сирени,

И красок звучные ступени
На холст, как струпья, положил.

Он понял масла густоту -
Его запекшееся лето
Лиловым мозгом разогрето,
Расширенное в духоту.

А тень-то, тень все лиловой -
Смычок иль хлыст, как спичка, тухнет, -
Ты скажешь: повара на кухне
Готовят жирных голубей.

Угадывается качель,
Недомалеваны вуали,
И в этом солнечном развале
Уже хозяйничает шмель.

7. СОЗДАТЕЛЬ

Истончается тонкий тлен.
Фиолетовый гобелен.

К нам на воды и на леса
Опускаются небеса.

Нерешительная рука
Эти вывела облака.

И печальный встречает взор
Отуманенный их узор.

Недоволен стою и тих,
Я - создатель миров моих.

Где искусственны небеса
И хрустальная спит роса...

8. МАДРИГАЛ

Нет, не поднять волшебного фрегата:
Вся комната в табачной синеве -
И пред людьми русалка виновата -
Зеленоглазая, в морской траве!

Она курить, конечно, не умеет,
Горячим пеплом губы обожгла;
И не заметила, что платье тлеет,
Зеленый шелк, и на полу зола...

Так моряки в прохладе изумрудной
Ни чубуков, ни трубок не нашли;
Ведь и дышать им научиться трудно

Сухим и горьким воздухом земли!

9. РАКОВИНА

Быть может, я тебе не нужен,
Ночь; из пучины мировой,
Как раковина без жемчужин,
Я выброшен на берег твой.

Ты равнодушно волны пенишь,
И несговорчиво поешь;
Но ты полюбишь, ты оценишь
Ненужной раковины ложь.

Ты на песок с ней рядом ляжешь,
Оденешь ризою своей,
Ты неразрывно с нею свяжешь
Огромный колокол зыбей;

И хрупкой раковины стены,
Как нежилого сердца дом,
Наполнишь шепотами пены,
Туманом, ветром и дождем...

10. ЕЩЁ НЕ УМЕР Я

Еще не умер я, еще я не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Я наслаждался величием равнин
И мглой, и голодом, и вьюгой.

В прекрасной бедности, в роскошной нищете
Живу один - спокоен и утешен -
Благословенны дни и ночи те,
И сладкозвучный труд безгрешен.

Несчастен тот, кого, как тень его,
Пугает лай и ветер косит,
И будет тот, кто, сам полуживой,
У тени милостыни просит.

11. СЛАБЫЙ ЗВУК

Я в хоровод теней, топтавших нежный луг,
С певучим именем вмещался.
Но все растаяло, и только слабый звук
В туманной памяти остался.

Сначала думал я, что имя - серафим,
И тела легкого дичился,
Немного дней прошло, и я смешался с ним
И в милой тени растворился.

И снова яблоня теряет дикий плод,

И тайный образ мне мелькает,
И богохульствует, и сам себя клянет,
И угли ревности глотает.

А счастье катится, как обруч золотой,
Чужую волю исполняя,
И ты гоняешься за легкою весной,
Ладонью воздух рассекая.

И так устроено, что не выходим мы
Из заколдованного круга.
Земли девической упругие холмы
Лежат спеленутые туго.

12. ЧЁРНАЯ СВЕЧКА

Твоим узким плечам под бичами краснеть,
Под бичами краснеть, на морозе гореть.

Твоим детским рукам утюги поднимать,
Утюги поднимать да веревки вязать.

Твоим нежным ногам по стеклу босиком,
По стеклу босиком да кровавым песком.

Ну, а мне за тебя черной свечкой гореть,
Черной свечкой гореть да молиться не сметь.

13. Я СКАЖУ ТЕБЕ

Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Все лишь бредни, шерри-бренди,
Ангел мой!

Там где эллину сияла
Красота,
Мне из черных дыр зияла
Срамота.

Греки сбондили Елену
По волнам,
Ну, а мне соленой пеной
По губам!

По губам меня помажет
Пустота,
Строгий кукиш мне покажет -
Нищета.

Ой ли, так ли, - дуй ли, вей ли, -
Все равно -
Ангел Мэри, пей коктейли,

Дуй вино!

Я скажу тебе с последней
Прямотой -
Все лишь бредни, шерри-бренди,
Ангел мой!

14. РОЖДЕНИЕ УЛЫБКИ

Когда заулыбается дитя
С развилинкой и горести и сласти,
Концы его улыбки, не шутя,
Уходят в океанское безвластье.

Ему не вырази́мо хорошо,
Углами губ оно играет в славе -
И радужный уже строчится шов
Для бесконечного познания яви.

На лапы из воды поднялся материк -
Улитки рта наплыв и приближенье -
И бьёт в глаза один атлантов миг:
Явления явного в число чудес вселенья.

И цвет, и вкус пространство потеряло,
Хребтом и аркою поднялся материк,
Улитка выползла, улыбка просияла,
Как два конца их радуга связала,
И в оба глаза бьёт атлантов миг.

15. Я ВИДЕЛ

Я видел озеро, стоящее отвесно,
С разрезанною розой в колесе
Играли рыбы, дом построив пресный,
Лиса и лев боролись в челноке.

Глазели внутрь трех лающих порталов
Недуги - недуги других невоскрытых дуг,
Фиалковый пролет газель перебежала,
И башнями сказала вздохнула вдруг.

И влагой напоен, восстал песчаник честный,
И средь ремесленного города-сверчка
Мальчишка-океан встает из речки пресной
И чашками воды швыряет в облака.

16. МОЁ ТЕПЛО

Дано мне тело - что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить,
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стёкла вечности уже легко
Моё дыхание, моё тепло.

Запечатлеется на нём узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

Пускай мгновения стекает муть -
Узора милого не зачеркнуть.

17. ОСТРОВ

Гончарами велик остров синий -
Крит веселый, запекся их дар
В землю звонкую. Слышишь дельфиний
Плавников их подземный удар?

Это море легко на помине
В ошастливленной обжигом глине,
И сосуда студеной власть
Расколосась на море и глаз.

Ты отдай мне мое, остров синий,
Крит летучий, отдай мне мой труд,
И сосцами текучей богини
Напой обожженный сосуд.

Это было и пелось, синяя,
Много задолго до Одиссея,
До того, как еду и питье
Называли "моя" и "моё".

Выздоровливай же, излучайся,
Волоокого неба звезда,
И летучая рыба - случайность,
И вода, говорящая " да".

18. ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ МОЩЬ

Улыбнись, ягненок гневный, с рафаэлева холста -
На холсте уста вселенной, но она уже не та...

В легком воздухе свирели раствори жемчужин боль.
В синий, синий цвет синели океана въелась соль...

Цвет воздушного разбоя и пещерной густоты,
Складки бурного покоя на коленях разлиты.

На скале, черствее хлеба, молодых тростинки рощ,
И плывет углами неба восхитительная мощь.

19. ФЛЕЙТА

Флейты греческой тэта и йота -
Словно ей нехватало молвы -
Неизваянная, без отчета,
Зрела, маялась, шла через рвы.

И ее невозможно покинуть,
Стиснув зубы ее не унять,
И в слова языком не продвинуть,
И губами ее не размять.

А флейтист не узнает покоя -
Ему кажется, что он один,
Что когда-то он море родное
Из сиреневых вылепил глин.

Звонким шепотом честолюбивым,
Вспоминающим топотом губ
Он торопится быть бережливым,
Емлет звуки, опрятен и скуп.

Вслед за ним мы его не повторим,
Комья глины в ладонях моря,
И когда я наполнился морем,
Мором стала мне мера моя.

И своим-то мне губы не любы,
И убийство на том же корню.
И невольна на убыль, на убыль
Равнодействия флейты клоню.

20. ПРЯМО В СУТЬ

Где связанный и пригвожденный стон,
Где Прометей - скалы подспорье и пособие?
А коршун где - и желтоглазый гон
Его когтей, летящих исподлобья?

Тому не быть - трагедий не вернуть,
Но эти наступающие губы,
Но эти губы вводят прямо в суть
Эхила-грузчика, Софокла-лесоруба.

Он - эхо и привет, он - вежа, нет - лемех.
Воздушно-каменный театр времен растущих
Встал на ноги - и все хотят увидеть всех:
Рожденных, гибельных и смерти не имущих.

21. ПОД ЛИВНЕМ

Я в ливнинный ров и в крепость погружен
И опускаюсь ниже, ниже, ниже

Под этих звуков ливень дрожжевой -
Сильнее льва, мощнее Пятикнижья.

Как близко-близко твой подходит зов -
До заповедей роды и первины -
Океанийских низка жемчугов
И таитянок кроткие корзины.

Карающего пеня материк,
Густого голоса низинами надвинься!
Всех наших дочерей дикарско-сладкий лик
Не стоит твоего - праматери - мизинца.

Неограничена еще моя пора,
И я сопровождал восторг вселенский
Как вполголосная органная игра
Сопровождает голос женский.

22. ПОСОХ

Посох мой, моя свобода,
Сердцевина бытия -
Скоро ль истиной народа
Станет истина моя?

Я земле не поклонился
Прежде, чем себя нашел;
Посох взял, развеселился
И в далекий Рим пошел.

Пусть снега на черных пашнях
Не растают никогда,
Но печаль моих домашних
Мне по-прежнему чужда.

Снег растает на утесах,
Солнцем истины палим.
Прав народ, Вручивший посох
Мне, увидевшему Рим!

23. СОХРАНИ

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный дегодь труда.
Так вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима,
Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда.

И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый,
Я - непризнанный брат, отщепенец в народной семье -
Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.

Лишь бы только любили меня эти древние плахи!

Как нацелясь на смерть городки зашибают в саду,
 Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе
 И для казни петровской в лесу топорщице найду.

24. ТОЧКА БЕЗУМИЯ

Может быть, это точка безумия,
 Может быть, это совесть твоя:
 Узел жизни, в котором мы узнаны
 И развязаны для бытия.

Так соборы кристаллов сверхжизненных
 Добросовестный луч-паучек,
 Распуская на ребра, их сызнава
 Собирает в единый пучок.

Чистых линий пучки благодарные,
 Собираемы тонким лучом,
 Соберутся, сойдутся когда-нибудь,
 Словно гости с открытым челом.

Только здесь на земле, а не на небе,
 Как в наполненный музыкой дом. -
 Только их не спугнуть, не изранить бы -
 Хорошо, если мы доживем.

То, что я говорю, мне прости,
 Тихо, тихо его мне прочти.

25. ПРИКАЗ

Я вздрагиваю от холода -
 Мне хочется онеметь!
 А в небе танцует золото -
 Приказывает мне петь.

Томись, музыкант встревоженный,
 Люби, вспоминай и плач,
 И, с тусклой планеты брошенный,
 Подхватывай легкий мяч!

Так вот она - настоящая
 С таинственным миром связь!
 Какая тоска щемящая,
 Какая беда стряслась!

Что, если, над модной лавкою
 Мерцающая всегда,
 Мне в сердце длинной булавкою
 Опустится вдруг звезда?

26. ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

О, как мы любим лицемерить

И забываем без труда
О том, что в детстве ближе к смерти,
Чем в наши зрелые года.

Еще обиду тянет с блюда
Невыспавшееся дитя,
А мне уж не на кого дуться,
И я один на всех путях.

Линяет зверь, играет рыба
В глубоком обмороке вод -
И не глядеть бы на изгибы
Людских страстей, людских забот.